

ЖИТИЕ ВАРЯГОВ-МУЧЕНИКОВ
(ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕГЕНДЫ В ЛЕТОПИСИ И В ПРОЛОГЕ)¹

Повествование о смерти в Киеве двух варягов-христиан читается во всех списках Повести временных лет (далее — ПВЛ) под 6491 (983) г., а также в Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1м), отражающей чтения Начального свода 90-х годов XI в. Данный сюжет нечасто привлекал внимание исследователей. В своей работе, посвященной реконструкции имени старшего из варягов, А. А. Шахматов одним из первых обратился к этому летописному сюжету². Исследователь, исходя из упоминания в проложном Житии князя Владимира имени Туры, который обозначен там как первый «ходатаи нашего спасения» на Руси, предположил, что старшего из варягов летописной статьи 983 г. звали Туры³. В ПВЛ и Н1м отсутствуют имена как младшего, так и старшего варяга. В житийном же тексте о мученической кончине варягов, читающемся в Прологе под 12 июня, содержится лишь имя младшего из варягов — Иоанн. А. А. Шахматов отмечал, что имя младшего варяга пришло в летописный текст из Пролога, имя же старшего варяга (Феодора) появляется только в проложных списках XVII в. и вовсе отсутствует в летописях⁴. А. А. Шахматов считал, что сюжет о смерти варягов первичен в летописи и попадает в Пролог не позднее XIV в.⁵ В связи с новой публикацией⁶ А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановской и Е. К. Ромодановской рукописи РНБ (Q.п.1.63; далее — Q), которая является на данный момент самой древней рукописью, содержащей проложное чтение о варягах-мучениках (рукопись датируется XIII в.), мы можем говорить о более раннем появлении данного сюжета в Прологе⁷.

Рукопись Q представляет собой среднеболгарский список с древнерусского протографа, о чем говорят как графические, так и лексические особенности⁸. Это позволяет отнести время создания самого текста в восточнославянских скрипториях к еще более раннему этапу⁹. Рукопись Q является самой краткой частью Синайского палимпсеста и содержит, помимо Жития варягов-мучеников, Житие княгини Ольги и Житие князя Владимира¹⁰.

Исследователи отмечают, что выборка из трех житий рукописи Q представляет собой четыре из шести предполагаемых элементов «Сказания о распространении христианства на Руси», которое было условно выделено Д. С. Лихачевым в составе Древнейшего свода¹¹. Д. С. Лихачев

¹ Данная статья подготовлена при содействии сотрудников ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, любезно предоставивших информацию о рукописях, в которых читается житийный текст о варягах-мучениках, из базы данных «Русская агиография» Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Также хочу выразить благодарность А. А. Гиппиусу за оказанную мне помощь при написании данной работы.

² Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? // Известия АН. 1907. Т. 1. № 9. С. 261–264.

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Там же.

⁶ Текст рассказа о варягах-мучениках по списку Q.п.1.63 ранее публиковался дважды: Бычков А. Ф. Заметка о славянском палимпсесте // Сб. ОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. С. VIII–IX, XXVII–XXIX; Павлова Р. Жития русских святых в южнославянских рукописях XIII–XIV в. // Славянская филология. София, 1993. Т. 21. С. 103–104.

⁷ Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) // Русская агиография. Исследования. Публикация. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308. Благодарю А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановскую и Е. К. Ромодановскую за возможность ознакомления с данной работой до ее выхода.

⁸ Там же. С. 297–299.

⁹ Там же. С. 292.

¹⁰ О составе Синайского палимпсеста см.: Загребин В. М. О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая // Из истории рукописных и старопечатных собраний. Л., 1979. С. 69–71.

¹¹ Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста. С. 293.

объединял данные произведения из-за единства темы — прославления христианства на Руси, и единства стиля, отмечая, что эти «русские исторические произведения... близки к житиям или к произведениям учительской литературы»¹².

Из этих трех житий именно текст Жития варягов-мучеников наиболее близок к летописному тексту о смерти варягов¹³.

Авторы публикации полагают, что эти жития «создавались именно для Сказания, а потом уже были переработаны для нужд церковной службы как проложные памяти, а на основании последних были использованы в летописи»¹⁴.

Большинство же исследователей считают, что Сказание легло в основу и летописного, и проложного текста, которые по-разному сохранили этот первоначальный вид, причем Пролог сохранил его лучше, чем летопись¹⁵.

Рассмотрим пути развития текста о варягах-мучениках в летописной и проложной письменной традиции. Следует отметить, что Житие варягов-мучеников, читаемое в рукописи Q, практически не претерпевает никаких изменений вплоть до списков XVII в. в других сборниках и Прологах. В XVII в. появляется вторая редакция данного Жития, которая по объему текста увеличивается практически в два раза. В этой редакции впервые появляется имя старшего варяга Феодора. Нам известны две рукописи второй редакции из РНБ. Собр. Титова. № 1947 и № 3260, датируемые, правда, серединой XVIII в.

Летописные повествования о первых варягах-мучениках в ПВЛ и Н1м имеют некоторые текстуальные различия между собой. Приведем текст летописной статьи о смерти варягов в левой части таблицы по Комиссионному списку Н1м (далее — К), который из всех дошедших до нас летописей наиболее точно отражает текст Начального свода¹⁶. В некоторых случаях первичные чтения обнаруживаются в других близких к Н1м летописях¹⁷.

В правой части таблицы для сравнения приведен текст Пролога первой редакции по списку XVI в. русского извода (РНБ. F.I.495; далее — F), который в большинстве случаев отражает более раннее состояние проложной традиции (в примечаниях даны некоторые чтения рукописи Q, отличающиеся от чтений списка F)¹⁸. Список Q не взят нами за основу, несмотря на то что это самый ранний список, фиксирующий проложное житие варягов-мучеников, так как он является, как сообщалось выше, среднеболгарским списком с древнерусского протографа и осложнен различными южнославянизмами.

¹² Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. С. 63, 70.

¹³ Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста. С. 292.

¹⁴ Там же. С. 294.

¹⁵ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. 1981. № 5. С. 101; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 145—146; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 23—26.

¹⁶ В фигурных скобках обозначены чтения, уникальные для Комиссионного списка Н1м.

¹⁷ Некоторые разночтения даны в примечаниях по Академическому (далее — Ак) и Троицкому (далее — Т) спискам Н1м, а также приведены основные текстуальные различия Н1м со списками ПВЛ: Лаврентьевским (далее — Л), Академическим (далее — А), Радзивилловским (далее — Р), Ипатьевским (далее — И) и Хлебниковским (далее — Х).

¹⁸ Проложные тексты цитируются по изданию: Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста. С. 300—308.

<p>«В лѣто 6491 (983).</p>	<p>В той же днь память блаженную мученику Варяга и сына его Иоанна убиеную в Къевѣ</p>
<p>Иде Володимеръ на ятвягы и побѣдѣ ятвягы и взя землю их И прииде Къеву (в АРИ — «къ Киеву») (в Л — «иде Киеву») и творяще требу</p> <p>кумиромъ с людьми своими.</p> <p>и рѣша старци и боляре (нет в А) «Мещем жребьи (жребиа — А) о отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ</p> <p>богомъ». И бяшет (Р — и баше) Варягъ единъ и</p> <p>бѣ дворъ его, идеже естъ церкви свята Богородица, юже созда Володимеръ. Бѣ же варягъ тои пришелъ изъ Грекъ,</p> <p>и держаше втаинѣ вѣру крестиянскую, и бѣ у него сынъ красенъ тѣломъ и душою,</p> <p>и на сего паде жребии по зависти дияволѣ. Не терпяшет бо дияволъ, власть имыи надо всѣми, А съи бяшетъ акы тернѣ въ сердци и тѣшася потреби оканнии,</p>	<p>Вълодимер великий еще поган сый побѣди ятвягы</p> <p>И прииде к¹⁹ Киеву</p> <p>и творяше жрътвы с боляры кумиром</p> <p>о побѣде рѣша старцы:</p> <p>«Мѣчем жребиа на сыны и на дщеря наша,</p> <p>да зарѣжем я (нет в Q и в других списках Пролога) богомъ нашим» Бяше же нѣкто человек божий (именемъ — из Q)²⁰ варягъ родомъ</p> <p>пришел из Царяграда с сыномъ своимъ Иоанномъ и сѣдѣше въ Къевѣ держа вѣру хрестиянскую</p> <p>И сего не терпяше дияволъ власть бо имяше над всѣми а се ему акы оружие бѣ въ сердци не могый ему что сътворити.</p>

¹⁹ В сборнике 1406 г. (ГИМ. Успенское собр. № 3) предлог «к» отсутствует.

²⁰ Список первой редакции, в котором читается «именемъ», во всех остальных списках имеем «человек божий варяг родомъ» либо «человѣкъ божиимъ именемъ варягъ». Только в списках второй редакции, где появляется имя старшего варяга Федор, читается: «баше в Киеве человекъ божий именемъ Федор родомъ варягъ».

И наусти люди.

И рѣша, пришедше, послании к нему,

яко «паде жребии на сынъ твой,

{понеже бо} изволиша его бозѣ

наши (нет в ЛРИ) себѣ,

да створимъ требу богомъ».

И рече Варягъ:

«**Не** суть бо бози, нь древо;

днесь есть,

а утро изъгннеть;

не ядят бо

бози (нет в ЛРИ),

ни пияють, **ни** молвят,

нь суть дѣлани руками во дрѣвѣ

секирою и ножемъ (нет в ЛР, но есть в И),

а **богъ** есть единъ,

ему же служатъ Грецѣ

и кланяются,

иже

створилъ небо и землю,

и звѣзды, солнце, луну и челоуѣка и далъ есть

ему жити на земли;

и **ваши бози**, что сдѣлаша;

а **сами дѣлани** суть.

Не дам сына своего бѣсомъ».

Они же шедше, повѣдаша людемъ;

{Абие же онѣ народѣ}

вземше оружье поидоша на нь

и обоидоша дворъ около его.

[Он же стояще — так в ЛРИ] на сѣнех съ

сыномъ своимъ,

И рѣша ему: «вдаи сына своего, да вдамы богомъ».

Он же рече:

«**Аще** суть бозѣ,

то пошлют (ЛРИ — прислють)

единого бога

и **поймутъ**

сынъ мой;

а вы чему

перетеребуете имъ (также в И)».

И {абие онѣ народѣ}

кликнуша

{велимъ гласомъ}

и **посѣкоша** (так в ЛРИ)

И наусти на нь люди

И рѣша пришедши, к нему послани:

«паде жребий на сын твой,

възлюбиша бо **и бози**

наши,

да его створим в требу богом.

Он же рече:

«**Се** не суть бози, но древо

истесано и бездушно

и по малѣ сѣгннет

ни ядятъ бо,

ни пияють, **ни** мльвятъ

Но бог един есть

на небесех

ему же служатъ грѣцы

в имя господа Исуса Христа сына Божиа

крещена есвѣ

тѣй бо

сѣтворил есть небо и землю

а **ваши бози** что сѣтворили

но **сами вами сѣдѣлани** суть

И не дам бѣсом сына своего».

И ти шедше повѣдаша людем

и **вземши** оружие придоша на нь

и рѣша: «Дай сына [твоего — из Q] на потребу богомъ»

[Он же рече — из Q]

«**Аще** суть бози,

да прислють

единого себе

по [да **пойметъ** — из Q]

сын мой

а вы чему

перетеребуете

и

кликнуша

киане

и посѣкоша

<p>сѣни под нима и тако побиха я²¹.</p> <p>И бяху бо тогда челоуѣци невѣгласи и погани, и диаволь радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погыбель хотяше быти ему. Тако бо преже тѣшашеся погубити род крестияньскыи, но прогонимъ бяшетъ крестомъ честнымъ во инѣх странах. Здѣ же мняше оканныи, яко здѣ ми есть жилище. Здѣ бо не суть учили апостоли, ни пророци прорицали, не вѣды пророка глаголюща и нареку не люди моя люди моя и о апостолахъ же рече: «во всю землю изидоша вѣщания их в конецъ вселеня глаголы их. Аще бо тѣломъ апостоли не суть были, нъ учения их, яко трубы гласят по вселенѣи въ църквахъ. Им же учениемъ побѣжа противнаго и попирающе под нозѣ, якоже попраста и сиа оба, приимша вѣнецъ небесныи съ святыми мученикы и с праведникы (ПСРЛ. Т. 3. С. 130–131).</p>	<p>онею [с нимъ сѣни — в Q] и усѣчени быша ту.</p> <p>Исповѣдающеся крѣстьяна приеста вѣчную жизнь за святую вѣру мучен(и)а</p>
--	---

Как можно видеть, сюжеты о смерти варягов-христиан в летописи и Прологе текстуально очень близки друг к другу. В. В. Колесов считает, что чтения, представленные в Прологе, более древние, нежели в летописном тексте²². По мнению В. В. Колесова, о большей близости к Сказанию проложного рассказа говорят более древние глагольные формы прошедшего времени и повелительного наклонения, а также об этом свидетельствует древность глагольных приставок²³. Нам представляется, что аргументации, приведенной В. В. Колесовым, недостаточно, чтобы утверждать, что текст Пролога первичен по отношению к тексту летописи.

Вместо вводной фразы летописи о походе Владимира на ятвягов («Иде Володимеръ на ятвягы, и побѣдѣ ятвягы, и взя землю ихъ») в Прологе дается характеристика Владимира: «Вълодимеръ, еще поганъ сый, победи ятвягы». Вставка «еще поганъ сый» составителем Пролога сделана с целью отметить тот факт, что Владимир в то время, когда совершалось убийство варягов-христиан, еще был язычником. Сама же структура начального пассажа летописи ничем не отличается от предыдущих и последующих годовых статей, в которых говорится о походе и покорении племен²⁴. На первичность летописного текста также указывает паратаксис в построении нарратива, который разрушается вставкой Пролога.

Более древним является и устойчивое сочетание «о отрока и девицю», нежели «на сыны и дщери наша» Пролога, что отмечает и В. В. Колесов²⁵. Данный пассаж Пролога имеет прямые параллели, во-первых, в летописной статье под 980 г., описывающей создание языческого пантеона князем Владимиром: «и привожаху сыны своя и дщери и жряху бесомъ»²⁶, во-вторых,

²¹ В ЛР добавлено: «и не свестъ никтоже где положиша я».

²² Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 104.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Ср.: под 985 г. «Иде Володимеръ на Болгары... и победи Болгары» и др. (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 84).

²⁵ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 105.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 79.

как отмечал еще Г. Барац, данная фраза читается в 37-м стихе 105-го псалма: «и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесом»²⁷. Возможно, составитель проложного чтения опирался на эту летописную или скорее псалтырную цитату, заменяя «отрока и девицу» на «сыны и дщери», а «требы» на «жертвы». На факт, что чтение «требы» первичнее чтения «жертвы», указывает и то, что в словах киевлян, которые просят выдать сына для принесения его в жертву, и в Прологе, и в летописи читается «да створимъ требу богомъ», а не «жертвы».

В проложном тексте, в отличие от летописного, существует указание на причину принесения жертв кумирам: «о побѣде». «В летописи связь между победоносным походом и жертвоприношением только подразумевается, она не ясна»²⁸. А. Н. Насонов этим примером старался показать, что в данном случае «о побѣде» — первичное чтение, фиксирующееся в общем для летописи и Пролога источнике, а летописец такое чтение, видимо, опустил. Этот пример выглядит странным, так как такое излишнее пояснение не может служить доказательством первичности или вторичности данного чтения. С неменьшим основанием можно предположить, что составитель Пролога ввел эту фразу в первоначальный текст.

В списке Q Пролога читаем: «и бяше некто человек божий именемъ варяг родомъ». Как предполагал А. А. Шахматов, после «именемъ» следует реконструировать имя варяга — Туры, т. е. «именем Туры, варяг родомъ». Недавно А. А. Турилов дал более изящную трактовку данного места легенды. Исследователь предлагает видеть в словах «человека божьего» не понятное летописцам имя варяга Феандр (Фео из teos — «бог»; andros — «человек»), т. е. так как варяг был из Царьграда, то и имя у него должно было быть греческое²⁹. Как считает А. А. Турилов, это объясняет преобразования имени старшего варяга в поздних списках Пролога — Федор, так как получить Федора из Феандра проще, чем из имени Туры. Такая гипотеза порождает много вопросов: во-первых, как просуществовало имя старшего варяга Феандр до XVI—XVII в., если оно не зафиксировано в русском ономастиконе и ни в одном списке Жития варягов-мучеников (ни в проложных, ни в летописных) не встречается, и на каком этапе оно должно было быть изменено на имя Федор и по каким причинам? Во-вторых, чтобы писец принял имя Феандр за «человека божьего», должен был существовать греческий оригинал, а наличие такого греческого текста сомнительно. Следует, на наш взгляд, предположить, что введение имени Федор в текст Жития варягов-мучеников не имеет никакого отношения к имени Феандр, а было сделано в XVII в., чтобы восполнить отсутствующее имя старшего варяга. Вероятнее всего, изначально у старшего варяга имени не было вовсе, а слово «именемъ» в тексте Пролога появилось под пером южнославянского переписчика, который либо принял слово «варяг» за личное имя, либо, написав «именемъ», чтобы вписать имя Иоанн, «вспомнил», что это имя младшего варяга, и вписывать его не стал³⁰. В списке пергаменного Пролога конца XIV в. (ПДА А1/2641 — 2) читается: «человѣкъ божии именемъ варягъ», что может свидетельствовать в пользу первого нашего предположения (переписчик посчитал слово «варяг» личным именем старшего мученика) либо просто о пропуске слова «родомъ» по неизвестной нам причине.

²⁷ Барац Г. М. О составителях Повести временных лет и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924. Т. I. С. 512.

²⁸ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 23—24.

²⁹ Турилов А. А. «Человек божий именемъ» (Об имени старшего варяга мученика) // Восточная Европа в древности и средневековье: язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20—22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83—84.

³⁰ На нижнем поле листа И списка ПВЛ (кон. XV — нач. XVI в.), где располагается легенда о варягах-мучениках, находится приписка: «о оубени хрестьяни ивана и сына егъ». В приписке имя Иван ошибочно атрибутируется старшему варягу, а не младшему, хотя в самом тексте И, как и во всех списках ПВЛ, нет имени ни младшего, ни старшего. Вероятно, написавший на полях писал по памяти и, зная/помня только одно имя «Иван», отнес его к старшему варягу, поскольку ему представлялось более логичным существование имени у отца. Возможно, что и ошибка южнославянского писца обусловлена схожими размышлениями. Данное примечание, как нам представляется, указывает на тот факт, что у старшего варяга не было имени ни в проложной, ни в летописной традиции даже в конце XV в.

Фраза «бѣ дворъ его, идеже есть церкви святаѣ Богородица, юже созда Володимеръ» в Прологе опущена, так как весьма вероятно, что данные киевские реалии были уже не актуальны для его составителя, который, возможно, создавал свой текст вне Киева. Также и характеристика сына варяга («красенъ телом и душею») присутствует лишь в летописном тексте; она, видимо, не попала в Пролог, так как его автор «не интересовался мирской красотой»³¹. Пролог, в отличие от летописного текста, содержит имя младшего варяга — Иоанн. Как утверждает В. В. Колесов, наличие собственного имени указывает на более древний вариант текста³². Если данное утверждение признать верным, то остаются непонятными причины, по которым летописец опустил имя варяга. Нам представляется, что как раз наличие имени в Прологе говорит в пользу его вторичности.

В первом ответе варяга на просьбу киевлян отдать сына в жертву в летописном тексте читается: «днесъ есть, а на утро изъгниеть», а в Прологе читаем «истесано и бездушно и по малѣ съгниет». Как можно видеть, противопоставление, имевшееся в летописи, под пером составителя проложного чтения исчезло. Дальнейшее «но суть делани руками во древе секирой и ножемъ» находится только в летописном тексте и отсутствует в Прологе. Можно предположить, что это поздняя летописная вставка, но обращает на себя внимание тот факт, что в конце своей речи варяг говорит: «а ваши бози, что сдѣлаша, а сами дѣлани суть» (данное чтение есть и в Прологе, и в летописи). Составитель Пролога, вероятно, игнорировал фразу «суть делани руками во древе» для того, чтобы избежать смыслового повтора, и даже третьего повторения, так как уже выше записал «истесано бездушно».

Следует отметить, что речь варяга если не тождественна, то очень близка к словам католических проповедников из сюжета о «выборе веры» князем Владимиром, находящимся в летописи под 980 г.: «кланяемся и Богу, еже сотворил небо и землю, и звезды, мѣсяцъ и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть»³³. Речь католического проповедника является как бы кратким вариантом речи варяга и заканчивается она теми же словами, которыми начиналась речь старшего варяга. В перечислении творений Господних в Прологе упоминаются лишь небо и земля, тогда как в летописном тексте о варягах-мучениках есть и «звезды», как и в «католической» речи, а также «луна» (правда, в сюжете о «выборе веры» фигурирует месяц).

Следует предположить, что летописец взял за основу речь католического проповедника, чтобы сконструировать высказывание старшего варяга, и расширил ее, составитель же Пролога впоследствии опустил дополнительные перечисления.

А. А. Шахматов считал, что первоначальное Сказание о варягах повлияло на речь католического священника, так как «немцам незачем было переходить в обличение... а между тем в этом обличении вся суть речи варяга»³⁴. Но если рассматривать также и текст Пролога, то, даже если представить, что А. А. Шахматов был прав, первоначальное чтение сохранила летопись, а не Пролог.

Пролог содержит также ряд других сокращений текста, пропусков и вторичных чтений. В Прологе пропущено «и обоидоша дворъ около его. [Он же стояще] на сѣнх съ сыномъ своимъ»³⁵. Это очевидный пропуск, так как без указания на местонахождение варягов «на сѣнях» непонятен заключительный пассаж «и посѣкоша сѣни под нима», который есть и в Прологе, и в летописи. Правильное чтение «и перетеребуете имъ» присутствует только в летописи, а в проложных текстах данное чтение искажено³⁶.

³¹ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 104.

³² Там же.

³³ ПСРЛ. Т. 1. С. 85.

³⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110.

³⁵ Что отмечал еще и А. Н. Насонов, см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 2.

³⁶ О правильности чтения «перетеребуете имъ» см.: Гиниус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. № 26. Р. 94.

Дальнейший текст Пролога и летописи весьма схож, за исключением широкого философско-богословского пассажа, содержащегося в конце летописной статьи и отсутствующего в Прологе. Исследователи видят в нем летописную вставку в первоначальный текст сказания. А. Н. Насонов относил данную интерполяцию ко времени Ярослава Мудрого, так как она отражает «идею о том, что в стране, где не было апостольской проповеди, “невѣгласи” обратились к истинному богу»³⁷. Как нам представляется, данный пассаж об отсутствии апостолов на Руси появился в летописи в Начальном своде 90-х годов XI в., как и схожий пассаж под 988 г., но никак не раньше.

Но в то же время у нас нет никаких данных, чтобы разрывать философско-богословский пассаж об отсутствии апостолов на Руси с предшествующим ему сюжетным повествованием о гибели варягов-мучеников. Все доказательства исследователей о вставном характере данного пассажа базируются лишь на том факте, что такое повествование хорошо ложится в идею Пролога, который содержит схожие пассажи. И, следовательно, если бы текст об отсутствии апостолов был в Сказании, он отразился бы и в Прологе. Такая аргументация нам представляется недостаточной, так как составитель Пролога мог опустить этот богословский пассаж, поскольку, к примеру, считал, что на Русь апостолы приходили. Также впоследствии поступали и составители некоторых летописных сводов. Летописный свод 1495 г., Хронограф 1512 г., а также Вологодско-Пермская летопись не содержат сведений об отсутствии апостолов на Руси, оставляя лишь противоположное мнение, высказываемое в летописной легенде о миссии апостола Андрея на Руси³⁸.

Как можно видеть, тексты Жития варягов-мучеников в летописи и в Прологе очень близки, но существующие различия не позволяют нам ни постулировать первичность проложного текста относительно летописного, ни возводить легенду о варягах-мучениках к «Сказанию о распространении христианства на Руси», текст которого, по мнению большинства исследователей, лег в основу летописи и Пролога. Более предпочтительной представляется идея о первичности летописного текста, так как нет ни одного примера, указывающего как на лучшую сохранность текста в Прологе, так и на зависимость летописи от Пролога, а вот обратные взаимоотношения между летописью и Прологом прослеживаются.

В связи с этим следует отметить, что рассказ об умерщвлении варягов-христиан, вероятнее всего, появился впервые в письменной форме в Начальном своде 1090-х годов.

Дальнейшая история текста о варягах-мучениках весьма интересна. В так называемых летописях «Новгородско-Софийской группы» (Софийская первая летопись, далее — С1Л, Новгородская четвертая летопись, далее — Н4Л, и первая подборка Новгородской Карамзинской летописи, далее — НК1) читается контаминированный текст о варягах-мучениках, составленный из чтений Пролога и текста летописи, близкой к Н1м и Лаврентьевскому списку ПВЛ. Протограф (Свод 1411 г.) этой группы в части, содержащей основной текст Начальной летописи, сближается с НК1³⁹. Составитель Свода 1411 г. пользовался в своей работе текстом новгородского владычного свода, более поздняя редакция которого отразилась в Н1м, и центрально-русской летописью, родственной Л и Р спискам ПВЛ, но не тождественной ни тому, ни другому и, по всей видимости, восходящей к протографу Л, Р, Т и А спискам ПВЛ⁴⁰.

Приведем текст по НК1, отметив жирным шрифтом заимствования из летописи, курсивом — чтения Пролога, подчеркиванием — вставки свода 1411 г.

«В лѣто 6491. Иде Володимиръ на ятвягы и побѣди я⁴¹, и взя землю их. Прииде к Кыеву, творяше требу кумиром с людми своими побѣдѣ с бояры⁴² и рѣша старци

³⁷ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 24.

³⁸ Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 11–12.

³⁹ Бобров А. Г. Новгородское летописание XV века. СПб., 2001. С. 109–123.

⁴⁰ Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет». С. 82–83.

⁴¹ В Н1м — «ятвягы», в Н4Л и С1Л — «я» — видимо, вариант писца Свода 1411 г.

⁴² По-видимому, описка писца НК1, в списках Пролога «о победы», как и в списках С1Л, а вот в списках Н4Л также «побѣдѣ» или «побѣди» без «о».

и бояре: “мечемъ жребиа на сыны и на дщеря наша, о отрока и о девицю, на него же падет тогда⁴³ зарѣжем богомъ нашимъ”. О Иоаннѣ христианинѣ и отци его⁴⁴. И бѣше нѣкто человекъ Божии единъ варяг, и бѣ дворъ его близ церкви святыа Богородица, юже създа Володимиръ. Бѣ варяг той пришол из Грекъ, из Царяграда съ сыномъ своимъ Иоанномъ, сѣдяще в Киевѣ, и дрѣжаше втаинѣ вѣру христианскую и бѣ у него сынъ Иоаннъ красен душею и тѣлом и на сего паде жребии по зависти диаволи. Не терпяшет бо диаволъ власть имѣя надъ всѣми и се бяшет ему, яко тернъ в сердци и тѣшася потрѣбити окаанныи не могъи ему то створити, и наусту на нѣ люди. И рѣша пришедше посланнии к нему, яко паде жребии на сынъ твой, изволиши бо и възлюбиши и бози наши собѣ, да его сътворимъ требу богомъ. И рече Варягъ “Не суть то бози, но древо, сдѣлано и бездушно. Днесь есть, а помалѣ изъгнѣет, не ядят бо бози ни пиятъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в древѣ секирою и ножем, а богъ есть единъ на небесѣх, емуже служатъ Греци и кланяются въ имя Исуса Христа сына Божиа крещена есѣ, иже той сътворилъ небо и землю, и солнце, и луну, и звѣзды, и человека и далъ есть ему жити на земли, а ваши бози что створили, но сами вами сдѣлани суть. И не дам сына своего бѣсом”. И ти же шедше повѣдаютъ людемъ и они же взявше оружие приидоша на нѣ и розьяши дворъ около его. Он же стоаше на сѣнех съ сыномъ своимъ. И рѣша ему: “Вдай сына своего да вдамы и на требу богомъ”. Он же рече: “Аще суть бози то единого себе прислутъ бога, да поимуть сынъ мой, а вы чему перетеребуетсяя имъ?” И кликнуши киане, и подсѣкоша сѣни под нима, и тако побиша я и приаста вѣчную жизнь за святую вѣру мучена, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бѣаху бо тогда человеци невѣгласи и погани и дьяволь радовашеся сему не вѣдъи яко близ погыбель хотяше быти ему. Тако бо преже тѣшася погубити родъ христианскыи и прогонимъ бѣ крестомъ честнымъ и въ иныхъ странахъ, здѣ же мняшеся окаанныи яко здѣ ми есть жилище, zde бо не суть апостоли учили ни пророци прорицали. Не вѣдъи пророка глаголюща, и нареку не люди моа, людие и о апостолахъ бо рече въ всю землю изыде вѣщание ихъ и в конецъ вселенъа глаголи ихъ. Аще ли и тѣломъ апостоли суть не были но учения ихъ, яко трубы гласятъ по всей вселенѣи въ церквахъ ихъже учениемъ побѣждаемъ противнаго врага и попирающе под нозѣ якоже попраста и сиа отѣника и приемша вѣнецъ небесныи и съ святыми мученикы и с праведникы».

Какой же из летописей (близкой к спискам ПВЛ или к Н1м) пользовался составитель Свода 1411 г. в данном случае?

Для ответа на поставленный вопрос следует учесть тот факт, что некоторые чтения, присутствующие в центрально-русском источнике НК1, могли быть сохранены только в одном из 6 основных списков ПВЛ и в списках НК1, т. е. чтения, встречающиеся только в списках третьей редакции ПВЛ или в одном из них (И, X), могут восходить к общему протографу всех списков ПВЛ и даже к Начальному своду. Следовательно, при отсутствии чтения НК1 в списках ПВЛ второй редакции, но при наличии этого чтения в списках третьей редакции и Н1м нельзя точно определить, каким из своих источников пользовался составитель НК1.

В связи с вышеизложенным отметим только те чтения, которые встречаются хотя бы в одном списке Н1м и в НК1, а во всех списках ПВЛ и Пролога не встречаются или изменены:

- 1) «о отрока и о дѣвицю»; во всех списках ПВЛ — «на отрока и на дѣвицю»;
- 2) «тогда зарѣжемъ» в списке Т Н1м; во всех остальных летописях первичное «того зарѣжемъ»;

- 3) в НК1 — «душею и тѣломъ»; в списках Н1м — «тѣломъ и душею»; в списках ПВЛ — «лицемъ и душею»;

⁴³ В списках Пролога «того», как и в Н4Л, и в С1Л.

⁴⁴ Подзаголовок, внесенный составителем Свода 1411 г., отразился во всех летописях «Новгородско-Софийской группы».

- 4) в Н1м — «не ядят бо бози»; в списках ПВЛ и Прологе чтение «бози» отсутствует;
- 5) «пророци прорицали» — Н1м; в списках ПВЛ «пророци прорекли»;
- 6) «и с праведники» — Н1м; в Л — «и праведники», в остальных списках ПВЛ отсутствует или искажено.

Теперь отметим чтения НК1, встречающиеся в списках ПВЛ и отсутствующие в списках Н1м и Прологе:

- 1) «с людми» — во всех списках; в списках Н1м — «с людьми»;
- 2) «и се» — в списках второй редакции ПВЛ; «а съ(е)и» — в Н1мл и Ипат; «а се» — в Прологе;
- 3) «не суть то бози» — в И, Р, А; в Л и списках Н1м — «не суть бо бози»;
- 4) «и розъяша» — в Л; в Н1м — «и обоидоша»;
- 5) «и не свѣсть никтоже где положиша я» — данный фрагмент отсутствует в списках Н1м;
- 6) в Р и А — «Аще ли и тѣлом апостоли»; в Н1м — «аще бо тѣломъ апостоли».

Как можно видеть, паритет в группах чтений НК1 = Н1м и НК1 = ПВЛ не позволяет говорить о том, какой именно список летописи (центрально-русский или новгородский) использовал создатель НК1 при составлении сюжета о варягах-мучениках. Следует предположить, что создатель НК1 использовал и ту, и другую летопись при составлении текста о первых мучениках христианах, наряду, как мы показали выше, со списком Пролога.

Необходимо также отметить, что списки С1Л (Оболенский и Карамзинский) в сюжете о варягах-мучениках повторяют уникальные чтения, встречающиеся в Комиссионном списке Н1м.

Как показал анализ проложной и летописной редакций сюжета о первых варягах-мучениках, постулируемая многими исследователями лучшая сохранность проложного чтения, а также существование общего (протографического) для Пролога и летописи текста сказания представляются весьма сомнительными. Скорее следует постулировать первичность летописного чтения данного сюжета, а текст Пролога считать зависимым от летописного. Автор свода 1411 г. скомпилировал свой сюжет о варягах-мучениках, используя как летописный источник (вероятно, и список Н1м, и список центрально-русской летописи), так и чтения Пролога.